

Владислав Китик

С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Чайка, нахохлившись, сидела на краю пирса. Как и положено этим морским птицам: грудью против ветра. Резкий взрыв над заливом помешал ее созерцанию серой водной глади. И она расправила крылья.

Чайки не знают, что такое война. И не понимают людей, изобретающих оружие, чтобы силой отнимать у другого право на жизнь.

Но за шестнадцать дней приноровились преодолевать смятение и не улетать далеко, когда небо сотрясалось взрывами или канонадой. Не бояться ее рокочущего эха над пляжем с закопанными от диверсантов минами. Не прятаться, слыша истошное вытье сирен, оповещающих о тревоге.

В природе есть борьба, но уничтожения себе подобных, целенаправленного, изощренного в средствах, – нет. Пернатым чужд вой войны.

Чайка полетела над городом. После теплой, даже солнечной зимы в марте вдруг похолодало и посыпал снег. Ах, вот оно к чему! Согласно рыбацкой примете, если чайки, покинув побережье, парят над крышами, это, верно, к осадкам.

Улицы, обычно многолюдные и шумные, были почти пусты. Редкий пешеход оставлял на нетронутой белизне торопливые следы. Молча взбиралась на склон Потемкинская лестница, уткнувшись в штабеля мешков, набитых песком, которыми обложили памятник Дюку. Песок чайка любила. Он и сейчас сослужил добрую службу, закрыв от шальной артиллерийской злобы фигуру, в бронзе которой душа города.

Фото Максима Войтенко

Такие же мешки громоздились на улицах, как баррикады, похожие на сугробы. Чайка спустилась ниже, села на ребро металлического швеллера. Прочно соединенные сварными швами по три, с торчащими во все стороны концами образовывали противотанковые ежи. Улица топорщилась такими конструкциями, выставляя преграду оккупантам. Защитят ли они от современной ракеты? Нет, конечно. Но было в этих шестиконечных крестах что-то хулиганское, задиристое, что по-уличному принимало вызов и демонстрировало готовность не уступать.

Такие ежи стояли здесь в 1941 году, и теперь время соскочило с подножки прошлого. Из-за угла и впрямь зазвенело. Это цокал подковками трамвай, продвигаясь по привычному маршруту. Внизу прожужжал проводами троллейбус, прошыгнула под светофором блестящая иномарка.

– Так транспорт ходит, хоть и реже, чем обычно, но развозит граждан по делам, – отметила чайка. Махнула крылом на всякие досужие разговоры. И снова поднялась в воздух.

Там рассекал ветер тонкий шпиль, воздвигнутый как флагшток над куполом вокзала. На перроне пестрела куртками, кулками и чемоданами толпа тех, кто уезжал в другие места, наверно, более безопасные. Или им так казалось? Люди стремились втиснуться в вагоны, сталкивались плечами. Птицы тоже, бывает, толпятся у кормушки. Но чаще уступают друг другу. И не ведут беспредметных разговоров, изводя себя предположениями о том, что может с ними случиться. Впрочем, чайка не читала Фейсбук.

Некоторые буквально демонстрировали свои переживания, резко жестикулируя, перемежая проклятия со зываниями к Богу и риторическим возмущением: «Куда он только смотрит?». Они привлекали к себе внимание, словно так стараясь получить если не одобрение, то согласие невольных свидетелей этих эмоциональных выплесков. Замечено, что страх и зависть к тем, кто в менее бедственном положении, может довести до ненависти к ближнему. Или наружная реакция позволяла быстрее успокоиться, как от сознания публично выполненного долга.

Те, кто переживает молча, незаметны. Их состояние могут почувствовать только сограждане, в которых развито сострадание, тоже не проявленное напоказ. Просто сердце, утомленное бедой,

не хочет тратить силы на изъяснение своей боли. Но переносит происходящее стойко.

Вот и в чайке живет крепкая морская или рыбацкая душа, которая вселилась в птицу, исподволь помогая ей не жаловаться и верить в будущее. Она покружила над домами. Накликкала снег и снова перенеслась к морю.

Вечерело. Город стоял. Он благодарил тех, кто обеспечивал дома водой, теплом и светом. Он поддерживал тех, кто не спал у прицелов и следил за морем и небом. Он жил своей жизнью и не думал сдаваться.

* * *

Пишется мало. Можно сказать, вообще не пишется. Нет ни желанной легкости настроения, предваряющей игру слов, ни сосредоточенности, нужной для точного самовыражения через стихи.

Для себя считаю неприемлемым переходить на бранную лексику, как сейчас стало популярным в среде литераторов со своими страницами в ФБ. Полагаю, пишущему человеку для выражения неприятия или экспрессии следует подбирать слова, не противоречащие культуре изложения. Этих слов в словаре Ожегова пятьдесят две тысячи.

